

Чудаков

«Книжки недели» 1895, кн. 10.

О лжи и правде. с. 184—227

О лжи и правде

Эпир:
«России нужна
правда» (С. Аксаков). 201

тѣла или вротки—тоже, я думаю, любятъ въ феяхъ не сказочной иллюзіей, не мечтой, а худой-ли, хорошей-ли, правдой, правдоподобіемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что все то, что уже неправдоподобно въ нашихъ искусствахъ—непремѣнно вымретъ и лѣтъ черезъ двѣсти-триста даже Мефистофель будетъ невозможенъ на большой сценѣ, какъ смѣшонъ теперь на ней огненный трехглавый змій, еще находящій свою публику на народныхъ балаганахъ.

VI.

Нужна-ли борьба съ ложью? Часто слышишь, что среди заблужденій живется легче и счастливѣе, нежели среди ясныхъ истинъ. Практические философы не разъ одобряли ложь. Бжогъ въ своемъ крошечномъ очеркѣ «Объ истинѣ» говоритъ, что «немножко вымысла, примѣшаннаго къ правдѣ, всегда доставляетъ удовольствіе... Отнять у людей пустые предразсудки, ложныя мнѣнія, обольстительные призраки и химерическія надежды, питающія ихъ,—значило-бы предоставить ихъ скукѣ, отвращенію, тоскѣ, отчаянію». Буквально то-же мнѣніе впоследствии повторилъ Тэнъ. Шопенгауэръ рекомендуетъ ложь въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ какъ незамѣнимое оружіе защиты, а Маккиавелли рекомендуетъ ее и для нападенія и пр. и пр. И вѣроучители, и философы ставятъ высоко невинность дѣтства, т. е. какъ-бы считаютъ заблужденіе кореннымъ условіемъ счастья. Но здѣсь опять не точное употребленіе словъ. «Предразсудки, ложныя мнѣнія, обольстительные призраки» не потому утѣшаютъ человѣка, что они ложь, а потому лишь, что кажутся истинной. Отнять у людей ложныя мнѣнія и не оставить никакихъ, дѣйствительно, было-бы жестоко,—но если вѣсто кажущихся истинъ дать дѣйствительныя, то они сослужатъ службу ничуть не хуже химеръ. Возьмемъ такой случай: вы, по вашему воспитанію убѣждены въ химерѣ, будто истинное счастье состоитъ въ

миллионномъ состояніи. Эта химера васъ утѣшаетъ и жить, пока вы вѣрите, что она истина. Но вотъ вы душевно развиваетесь, зрѣете, дѣлаетесь разумнѣе, образованнѣе и начинаете переходить къ другой, истинной вѣрѣ — въ то, что не миллионъ составляетъ счастье, а душевное благородство, всѣмъ доступное. Эта истина, если она сильна въ васъ, утѣшаетъ и жить ничуть не менѣе, чѣмъ прежняя химера. Надо замѣтить, также, что невѣжество (невинность) еще не есть заблужденіе: это отсутствіе какого-бы то ни было мнѣнія, отсутствіе правды, но и отсутствіе лжи одинаково. И я думаю, что секретъ невиннаго счастья не въ незнаніи правды, а въ незнакомствѣ съ ложью. Если-бы можно было въ невинное сердце внести одну истину, безъ сопровождающей ее лжи, счастье незнанія тотчасъ возвысилось-бы до божеской степени — блаженства знанія. Къ несчастію, ложь пока еще неотдѣлима отъ истины, какъ пыль, которую неизбежно вдыхаешь вмѣстѣ съ кислородомъ. И не кислородъ знанія, а именно эта пыль лжи ведетъ къ душевной чухоткѣ. Отчего мы, вступающіе въ XX вѣкъ, такъ не удовлетворены духовно, хотя обладаемъ тьмою вновь открытыхъ истинъ? Я думаю, оттого, что половина этихъ новыхъ истинъ — ложь, — не совѣтъ лжи, а недоговоренная до конца правда. Всѣ такъ-называемые законы точныхъ наукъ понятны лишь наполовину, въ ихъ осязаемой части, а внутренняя ихъ причина скрыта. Оттого ихъ нельзя назвать истинами, — они — полуистины. Вотъ эти-то скрытыя половины правды и ихъ произвольныя, явно недостаточныя, ошибочныя объясненія и тревожатъ насъ. Исполинская работа знанія подняла тучи психической пыли, обрывковъ, опилокъъ идей, которыя въ своемъ раздробленномъ видѣ засоряютъ дыханіе. Прежде, въ эпоху суевѣрій, атмосфера мысли была чище, здоровѣе. Были доступны немногія вѣрованія и часто ложныя, но они казались истинными вполне — скры-

тыхъ половинъ не было. Чуть являлось неразрѣшное— оно отнеслось къ волѣ Божіей, и вѣра придавала убѣжденію въ этомъ характеръ истины. Скептицизмъ отсутствовалъ—этотъ душевный tuberculosis. Я думаю, что онъ не вѣчно будетъ длиться. Пыль знанія уляжется или будетъ подметена и выброшена изъ науки, воздухъ сдѣлается чище, проглянетъ какая-нибудь новая великая идея, которая освѣтитъ скрытыя части знаній и сдѣлаетъ ихъ—хоть на время—полными истинами. Тогда мы успокоимся и почувствуемъ блаженство, о которомъ говоритъ Бэконъ: «Погоня за истиной, сознаніе и ощущение ея, представляющіяся какъ-бы желаніемъ, созерцаніемъ и пользованіемъ ею, суть величайшее благо, какое только предоставлено человѣку. Первое, что создалъ Богъ въ дни творенія, былъ видимый свѣтъ, а послѣднее—свѣтъ разума: но вѣчнымъ его твореніемъ, достойнымъ дня субботняго, было прсвѣщеніе разума человѣка». Человѣкъ, обладающій истиной, говоритъ онъ дальше, «уже въ этомъ мірѣ предвкушаетъ небесное блаженство».

Тутъ кстати будетъ напомнить, что абсолютная истина недоступна, что всѣ человѣческія идеи относительны, не исключая математическихъ аксіомъ. Человѣку извѣстенъ лишь алфавитъ природы, но не языкъ ея: онъ читаетъ слова и заучиваетъ ихъ не постигая ихъ внутренняго значенія. Лишь немногіе избранные мгновеніями догадываются о великомъ смыслѣ, который *долженъ* бодрствовать гдѣ-то въ центрѣ міра, но конечное сознаніе меркнетъ входя въ область абсолютнаго. Однако, изъ того, что намъ доступны лишь проэкціи абсолютныхъ истинъ, не слѣдуетъ считать ихъ ложью. Даже невѣрныя проэкціи вещей—лишь-бы была искренняя увѣренность въ ихъ правдѣ, есть только заблужденіе, а не ложь. Ложь есть *умышленное* искаженіе правды и явленіе нравственнаго порядка,—и вотъ тутъ, въ нравственной области, низость ея безмѣрна.

Человѣкъ лжетъ человѣку: происходитъ гдѣ-то, въ идеалѣ, великое крушеніе, какъ-бы чья-то смерть. Перейдя въ міръ поэзіи, вообразите ангела, который сказалъ неправду ангелу. Страшное паденіе, лишеніе высокаго достоинства! Но люди—тѣ-же ангелы, по крайней мѣрѣ рождены быть ими. Наши тѣла заслоняютъ наши души, иначе мы видѣли-бы ихъ, и мы ихъ можемъ видѣть, если внутренний свѣтъ настолько яркъ, чтобы сдѣлать тѣла какъ-бы прозрачными. Самое высокое и дорогое—не тѣлесное: какъ-же не оберегать эту святыню своего духа отъ тьмы? Ибо ложь и тьма—синонимы. Обманывая, мы облекаемъ ближняго невѣжествомъ, какъ говоря правду озаряемъ его истиной. Передавать истину, по легендѣ, есть призваніе ангеловъ.—И людей, если они хотятъ быть подобными небеснымъ духамъ. Земля наша, говорятъ астрономы,—звѣздочка въ небесномъ пространствѣ и мы—жители неба, какъ и тѣ, что населяютъ сверкающіе міры. Но жить въ этомъ безбрежномъ небѣ, въ центрѣ двухъ безконечностей — и лгать! Позволить себѣ неправду, въ присутствіи вѣчно бодрствующей природы, въ этотъ столь короткій моментъ существованія въ ней! Прийти въ міръ, встрѣтить подобную себѣ душу и измѣнить ей... Потому что ложь есть всегда измѣна. Всѣ мы въ душѣ полусознательно носимъ великій, какъ-бы въ началѣ міра начертанный договоръ истины, договоръ съ Богомъ, и въ минуту лжи мы подло нарушаемъ его, умираемъ разумомъ, перестаемъ быть достойными неба.

VII.

Ложь—продуктъ рабства; если брань, по пословицѣ, есть оружіе слабыхъ, то ложь есть разумъ слабыхъ. Ложь начинается на низшихъ ступеняхъ жизни. Крошечная, еле замѣтная букашка, троньте ее—мгновенно прикинется мертвой, сложитъ лапки и лежитъ неподвижно, пока, по ея мнѣнію, опасность не минуетъ. Тутъ всего ярче ви-

денъ психическій источникъ лжи—страхъ, трусость. Человѣкъ «самое развратное изъ животныхъ», говоритъ Руссо; другой мудрецъ, опредѣляетъ его, какъ единственное «сумасшедшее животное». Я думаю, вся извращенность человѣческой породы зависитъ отъ того, что это самое порабощенное изъ существъ, кромѣ домашнихъ животныхъ. Да и тѣ во многомъ, и можетъ быть самымъ существенномъ, свободнѣе человѣка.

Рабство и продуктъ его—ложь—бываютъ двухъ родовъ: рабство варварское, когда огромное большинство народа угнетено и живетъ въ вѣчномъ страхѣ передъ поработителями, и рабство культурное, когда надъ всѣми царитъ самый жестокий изъ тирановъ—общественное мнѣніе. Смѣшонъ плачевный возгласъ Фамусова:

«Ахъ Боже мой, что станеть говорить княгиня Марья Алексѣевна!»

—но страхъ Фамусова мучительнѣе не менѣе трусости рѣба передъ господиномъ. Общественное мнѣніе не прибить и не убить *физически*, но душевно можетъ прибить и даже *убить*: люди стрѣляются отъ позора, даже не разбирая, справедливъ или нѣтъ надъ ними приговоръ общества. Только немногія, сильныя, душевно-свободныя, непобѣдимыя души равнодушны къ общественному мнѣнію: онѣ не страшатся общества и только онѣ однѣ не лгутъ. Ложь культурная состоитъ во всеобщемъ лицемеріи, въ безмолвномъ какъ-бы договорѣ не имѣть личнаго мнѣнія въ отношеніи извѣстныхъ вещей. Къ этому роду лжи относится бездушная вѣжливость всѣхъ архи-культурныхъ народовъ, англійское «cant», компромиссъ, мода, *comme il faut*, *qu'on dira le monde*, наше «принято» и пр. и пр. Въ Португаліи бездомные бродяги, нищія, обращаются между собою какъ гранды, что не мѣшаетъ имъ пускать въ дѣло ножи. Въ Польшѣ вѣжливый человѣкъ говоритъ: «кланяюсь вамъ въ ноги», вѣжливость требуетъ отвѣтить: «а я уже лежу предъ вами распластавшись», и все это говорится безъ искры

серьезнаго намѣренія исполнить что-нибудь подобное. Особенно тонко разработанъ этотъ видъ лицемѣрія у современныхъ древнихъ народовъ—китайцевъ, японцевъ. Въ статьѣ «Въ океанійской деревнѣ» д-ръ И. Б. («Кн. Нед.» 1893 г., ноябрь) рассказываетъ:

«Въ характерѣ японцевъ неспрiятно поражаютъ отсутствiе прямоты, недостатокъ сознанiя своего достоинства и особенно ихъ подобострастное отношенiе къ высшимъ, ихъ безпримѣрное халуство, принимаемое нѣкоторыми за восточную, изысканную вѣжливость. Всѣ эти, чисто рабскiя черты могутъ только быть результатомъ вѣкового влiянiя, вѣковыхъ феодальныхъ порядковъ и отношенiй. Японецъ положительно не способенъ къ сколько-нибудь прямому, открытому отказу или сопротивленiю. Онъ сопротивляется пассивно, лицемерно и молчаливо. Хитрость—главное его орудiе. Онъ рѣшительно со всѣмъ согласенъ и прямо ни въ чемъ не откажетъ. Что-бы вы ему ни говорили, онъ подкиваетъ, сладко улыбаясь, и ежеминутно выражаетъ свое почтительнѣйшее удивленiе и напряженнѣйшее вниманiе къ вашимъ словамъ вѣчными с-с-с-с! На все, что вы ни скажете, у него одинъ отвѣтъ—*all right!* произносимый тономъ несомнѣнной, веселой готовности исполнить немедленно все по вашему желанiю. Но между согласiемъ и исполненiемъ лежитъ цѣлая пропасть. Съ удивительнымъ упрямствомъ онъ продолжаетъ дѣлать по своему и на всѣ возраженiя отвѣчаетъ тѣмъ-же охотнымъ: *all right...*»

Въ своей книгѣ «Островъ Сахалинъ», о которой я еще буду говорить, А. П. Чеховъ рассказываетъ, до какой степени изыщества развился этотъ инстинктъ лицемѣрія у японцевъ.

«Одинъ токарь, японецъ въ Нагаски, у котораго наши моряки офицеры покупали разныя бездѣлушки, изъ вѣжливости хваля въ всегда все русское. Увидитъ у офицера брелокъ или кошелекъ—и ну восхищаться: «Какая замѣчательная вещь! такая изысканная вещь!» Одинъ изъ офицеровъ какъ-то привезъ съ Сахалина деревянный портсигаръ грубой топорной работы. «Ну теперь,—думаетъ,—подведу я токаря. Увидимъ, что онъ теперь скажетъ». Но когда японцу показали портсигаръ, то онъ не потерялся. Онъ потрясъ имъ въ воздухъ и сказалъ въ восторгѣ: «Какая прочная вещь!»

VIII.

Эта мертвая, лицемерная вѣжливость, можетъ быть, не хуже злорадной грубости, оскорбительнаго тона, столь отравляющаго семейную жизнь нашей буржуазии (крестьяне у насъ культурнѣе среднихъ классовъ—купечества и чиновничества, и потому болѣе вѣжливы). Но пріятное лицемеріе культурныхъ классовъ все же ложь, измѣна истинѣ, и потому несовѣстима съ настоящимъ благородствомъ. Дѣйствительно *живая* душа не лжетъ, такъ-какъ жизнь есть сознаніе правды. Потеря влеченія къ правдѣ изъ страха предъ общественнымъ мнѣніемъ есть смерть души, и эта смерть, какъ думаютъ нѣкоторые, угрожаетъ культурному человѣчеству въ послѣдніе его дни. Въ писаніи сказано, что Спаситель, при послѣднемъ Своемъ пришествіи, не найдетъ болѣе правды на землѣ—хотя Евангеліе будетъ проповѣдано всѣмъ народамъ. Онъ, можетъ быть, не найдетъ болѣе искренности. «Ложь, говоритъ Бэконъ, переполнивъ мѣру человѣческихъ беззаконій, будетъ трубою, которая призоветъ нѣкогда людей на судъ Божій». Современная цивилизація, какъ и всѣ прежнія, стремится къ лжи, но въ отличіе отъ прежнихъ, въ ней есть стремленіе и къ правдѣ, и послѣднее стремленіе все растетъ. Современный складъ культуры *не неизбеженъ*; я думаю, возможны иныя общественныя построенія, которыя не ведутъ къ тиранніи общества надъ личностью и къ непремѣнной потерѣ совѣсти.

Въ той-же книгѣ А. П. Чехова приведенъ другой человѣческій типъ, не лгушій, замѣчательный не менѣе японцевъ. Это—гиляки, живущіе въ средней части о-ва Сахалина и на сосѣднемъ побережьи материка. Это—кочевой народецъ, быстро вымирающій: сорокъ лѣтъ тому назадъ ихъ было около 3½ тысячъ, теперь же считается официально 3½ сотни. Гиляки, говоритъ г. Чеховъ,

«принадлежать не къ монгольскому и не къ тунгузскому, а къ какому-то неизвѣстному племени, которое, быть можетъ, когда-то было могущественно и владѣло всею Азіею, теперь-же доживаетъ свои послѣдніе вѣка на небольшомъ клочкѣ земли въ видѣ немногочисленнаго, но все еще прекраснаго и бодраго народа». Они необыкновенно общительны и подвижны, «выраженіе лицъ не выдаетъ въ нихъ дикарей; оно у нихъ всегда осмысленное, кроткое, наивно-внимательное». Нѣкоторые путешественники относили гиляковъ къ кавказскому племени. Живутъ они въ крайней бѣдности и угнетеніи.

«Всѣ путешественники сходятся въ одномъ, что это народъ не воинственный, не любящій ссоръ и дракъ и мирно уживающійся со своими сосѣдями. Къ пріѣзду новыхъ людей они относились всегда подозрительно, съ опасеніемъ за свое будущее, но встрѣчали ихъ всякій разъ любезно, безъ малѣйшаго протеста, и самое большее, если они извѣстномъ лгали, описывая Сахалинъ въ мрачныхъ краскахъ и думая этимъ отпугнуть иностранцевъ отъ острова (но врядь-ли они лгали и въ этомъ случаѣ, такъ-какъ самъ А. П. Чеховъ описываетъ Сахалинъ въ очень мрачныхъ краскахъ). Со спутниками Крузенштерна они обнимались, а когда заболѣлъ Л. К. Шренкъ, то вѣсть объ этомъ быстро разнеслась среди гиляковъ и вызвала искреннюю печаль. Они лгутъ только когда торгуютъ или бесѣдуютъ съ подозрительнымъ и, по ихъ мнѣнію, опаснымъ человекомъ, но прежде чѣмъ сказать ложь, переглядываются другъ съ другомъ—чисто дѣтская манера. *Всякая ложь и хвастовство въ обычной, не дипломатической сферѣ имъ противны.*»

А. П. Чеховъ рассказываетъ забавный случай, какъ два гиляка заподозрили его въ томъ, что онъ солгалъ.

«Дѣло было подъ вечеръ. Два гиляка—одинъ съ бородкой, другой съ пухлымъ бабьимъ лицомъ—лежали на травѣ передъ избой поселенца. Я проходилъ мимо. Они подозвали меня.

— Ты политичка (т.-е. политическій)?—спросилъ меня гилякъ съ бабьимъ лицомъ.

— Нѣтъ.

— Значитъ, ты пиши-пиши (т.-е. писаешь)?—спросилъ онъ, увидѣвъ въ моихъ рукахъ бумагу.

— Да, я пишу.

— А сколько ты получишь жалованья?

Я зарабатываю около трехсотъ рублей въ мѣсяцъ. Эту цифру я и назвалъ. Надо было видѣть, какое непріятное, даже болѣзненное впечатлѣніе произвелъ мой отвѣтъ. Оба гилыка вдругъ схватились за животы и, пригнувшись къ землѣ, стали покачиваться, точно отъ сильной боли въ желудкѣ. Лица ихъ выражали отчаяніе.

— Ахъ, зачѣмъ ты можешь такъ говорить? услышалъ я. — Зачѣмъ ты такъ не хорошо говоришь? Ахъ, не хорошо такъ! Не надо такъ!

— Что-же дурного я сказалъ? спросилъ я.

— Бутаковъ окружной начальникъ, большой человекъ, получаетъ дѣйствіе, а ты никакой начальникъ, мало-мало пиши—тебѣ триста! Не хорошо говоришь! Не надо такъ!»

Чеховъ объяснилъ имъ, что онъ слѣлалъ больше десяти тысячъ верстъ, что у него расходовъ больше, чѣмъ у Бутакова, и потому денегъ нужно больше. Это успокоило гилыковъ. Они переглянулись, переговорили между собой по-гилыцки и перестали мучиться. По ихъ лицамъ видно было, что они уже вѣривъ мнѣ.

— Правда, правда... живо сказалъ гилыкъ съ бородкой.—Хорошо. Ступай.

— Правда, кивнулъ мнѣ другой.—Иди».

Вотъ до какой степени правдивъ этотъ маленький народецъ. Есть въ немъ и темныя черты характера,—напримѣръ, совершенное презрѣніе къ женщинамъ,—но свѣтлыя черты преобладаютъ. Правдивость ведетъ къ честности вообще: «Принятые на себя порученія гилыки исполняютъ аккуратно, и не было еще случая, чтобы гилыкъ бросилъ на полъ-дорогѣ почту или растратилъ чужую вещь.. Они бойки, смыслены, веселы, развязны и не чувствуютъ никакого стѣсненія въ обществѣ сильныхъ и богатыхъ. Ничьей власти надъ собой не признаютъ, и кажется, у нихъ нѣтъ даже понятій—старшій и младшій». И прежде они ни подъ какою властью не состояли. У нихъ даже нѣтъ словъ въ языкѣ, соответствующихъ понятіямъ о власти и подчиненіи. «Начальникъ острова, говоритъ г. Чеховъ, пользуется на Сахалинѣ огромною и даже страшною властью, но однажды, когда я ѣхалъ съ нимъ изъ Верхняго Армудана въ Арково, встрѣтившійся гилыкъ не постѣснялся крикнуть намъ повелительно: «стой!» и потомъ спрашивалъ, не повстрѣчалась-ли намъ по дорогѣ его бѣлая собака».

Оказывается, что этот любопытный народец (какъ и нѣкоторые другіе) втеченіе многихъ вѣковъ былъ уединенъ и случайно свободенъ отъ обоихъ источниковъ лживости: политическаго рабства и слишкомъ тѣсной общественности. Тѣ-же условія могутъ выработаться и въ концѣ исторической эволюціи. Исчезнетъ насилие—исчезнетъ страхъ челоуѣка предъ челоуѣкомъ, который, быть можетъ, служить основнымъ корнемъ и другого страха—предъ обществомъ. Исчезнетъ одинъ источникъ лживости—скоро за нимъ исчезнетъ и другой.

IX.

Борьба съ ложью во всѣхъ ея видахъ особенно необходима въ Россіи: неправда покрываетъ нашу страну какъ-бы дремучею, непроходимсю тайгой. Ужъ если въ Англіи благородный Морлей, авторъ превосходной книги «О компромиссѣ», считаетъ эту борьбу насущной, то у насъ-то—гдѣ она еле начата—и подавно. Въ изстари честной «старой Англіи», съ ея пуританскою культурою и безстрашнымъ народомъ, существуютъ могущественныя, у насъ невѣдомыя орудія для борьбы съ ложью: свободная, неразвращенная печать, «платформа», парламентъ, а главное—уже подготовленные, облагороженные нравы,—и тамъ эта борьба не легка. У насъ она—подвигъ, чаще всего оканчивающійся катастрофой для возставшаго противъ лжи. И главное препятствіе для успѣха истинны—исподлившіеся, рабскіе общественные нравы.

«Rule, Britannia! гордо поетъ англичанинъ: The Britains never shall be slaves». Этой хорошей гордости, къ своему горю, русскій челоуѣкъ имѣть не можетъ. Британецъ никогда не былъ рабомъ—русскій былъ, и еще такъ недавно и былъ такъ долго, и въ такомъ тяжеломъ рабствѣ. Эта проклятая черта нашей исторіи, грѣхъ нашихъ прадѣдовъ, не умѣвшихъ отстоять свей свободы, до сихъ поръ тяготѣетъ надъ русскимъ обществомъ и народомъ. Нетолько

существуетъ множество скрытыхъ и полуоткрытыхъ формъ рабства, создающихъ тираннію всѣхъ противъ каждаго,— этой рабства отравляетъ самыя наши души и высачивается ложью. Наблюдатели бытовой жизни культурныхъ народовъ увѣряютъ, что нѣтъ въ Европѣ лживѣе русскаго средняго человѣка. Что народы протестантскіе отличаются честностью—это общеизвѣстно. Поразительный переходъ отъ лживой расы къ правдивой можно наблюдать на нашей границѣ съ Финляндіей и Прибалтійскимъ краемъ. Покойный Н. С. Лѣсковъ, долго жившій на дачѣ за Нарвой, указывалъ съ точностью чуть не версты, гдѣ кончается «подлепъ-человѣкъ» и начинается «честный чухна». По сю сторону этой этико-этнографической границы—говорилъ онъ—вась и обмѣрятъ, и обвѣсятъ, и въ слачѣ обсчитаютъ;—потеряли самую простую палку—ни за что не возвратятъ, и такъ просто надуютъ на тысячу манеръ: пообѣщается извозчикъ подать лошадей въ десять часовъ утра,—непремѣнно подастъ въ двѣнадцать, да еще и экипажъ не тотъ поставитъ. Совсѣмъ не то по ту сторону границы: плохо выговоренное по-русски, едва понятное слово свое, «чухна» держитъ точно заповѣдь передъ Богомъ, не спроситъ лишняго, не подмѣшаетъ всякой дряни въ провизию, если ошибкой обсчитаетъ вась—разыщетъ и отдастъ. Кошелекъ найдетъ—не скроетъ, возвратитъ. И за это Лѣсковъ любилъ чухонъ. Помню я, какъ прошлымъ лѣтомъ—послѣднимъ для Лѣскова—мы гуляли какъ-то съ нимъ въ Меррекюльской сосновой рошѣ: погасалъ вечеръ, наступали сумерки, и въ нихъ раздавался тихій и горькій голосъ больного писателя о безчестности русскаго человѣка. И думалъ я: вотъ ты старикъ, такъ хорошо знавшій русское общество и самъ русскій до послѣдней клѣточки сердца, ты уже видимо уходишь изъ этой жизни, и какое въ самомъ дѣлѣ горькое сознаніе ты уносишь съ собой!

Лживость русскихъ людей обнаруживается и за границей, тамъ, гдѣ сталкиваются иностранцы со всѣхъ

концовъ свѣта. Припомните русское общество въ Баденѣ, описанное въ «Дымѣ». Г-жа Цебрикова наблюдала гдѣ-то въ Швейцаріи рядомъ живущія семейства русскихъ и англичанъ, и ее поражала лживость русскихъ дѣтей сравнительно съ маленькими англичанами. И тѣ лгутъ, но рѣдко и при исключительныхъ условіяхъ (Дарвинъ записалъ, съ точностью натуралиста, первый случай лжи у двухлѣтняго снѣпишки и не могъ надивиться—откуда это взялось въ его семьѣ, гдѣ воспитаніе было такъ поставлено, что исключало надобность лгать). Англійскіе купцы поражаются нечестностью русскихъ купцовъ, для нихъ необъяснимой и кажущейся безумною. Въмѣсто того, чтобы, дорежа рынкомъ, отпустить возможно образцовый товаръ—хлѣба, ленъ и т. п., русскіе купцы подмѣниваютъ туда всякую гадость, несокъ, куколь, а ленъ смачиваютъ водой, такъ-что въ послѣдніе годы англичане перестаютъ покупать нашъ товаръ,—потребовался правительственный надзоръ надъ чистотою зерна. И стоило въ голодный годъ задремать надзору, какъ своимъ-же голодающимъ, умирающимъ съ голоду купцы начали продавать зерно помоями съ куколемъ, нарочно для того закупаая эту сорную траву цѣлыми обозами. Ни въ одной странѣ невозможна подобная жестокость лжи, такіе наглые, колоссальные обманы, какъ у насъ въ самыя страшныя народныя минуты: вспомните интендантовъ и ополченцевъ въ крымскую войну. Иванъ Аксаковъ не находитъ достаточно негодующихъ словъ, чтобы выразить причину жестостей, которыхъ онъ насмотрѣлся, будучи ополченцемъ (т. III его собранія писемъ). Фальсификація во всѣхъ сферахъ жизни,—быта, труда, знанія, науки, литературы цвѣтеть роскошно. Национальной чертой нашей московской исторіи считается фальсификація царей—самозванство, многочисленныя и не безуспѣшныя попытки поддѣлать не только какую-нибудь монету съ портретомъ государя, какъ на Западѣ, но и самого государя. Политическіе

самозванцы перевелись, но обыкновенные, выдающіе себя за аристократовъ, ученыхъ, администраторовъ, ревизоровъ и т. п.—разъѣзжаютъ по Россіи и теперь въ большемъ числѣ, судя по частымъ сообщеніямъ газетъ.

X.

Откуда пошла русская лживость? Древняя Русь, до подворенія варяжскаго и татарскаго ига, отличалась сравнительно высокой нравственностью. Какъ ни скудны историческія свидѣтельства того времени, однако они не обошли этой черты. «Будь я безчестенъ!» клялся древній славиницъ. Насиліе, говоритъ Аксаковъ, было случайностью въ древней Руси, и никогда какъ законъ. Древнѣйшій кодексъ нашъ — «Русская правда» — въ тоже время и гуманнѣйшій изъ кодексовъ до послѣдняго времени. Свободные новгородцы, ведшіе торговлю съ Ганзой, славились честностью. Но уже удѣльные войны вносятъ огрубѣніе нравовъ: война теряетъ рыцарскій характеръ эпохи Святослава («Иду на вась!»), сопровождается страшными низостями и вѣроломствомъ, причемъ тѣсное прикосновеніе съ разбойничьими племенами кочевниковъ (печенѣги, половцы и пр.) еще до татаръ выработало всѣ виды рабства. Рескю замѣчаетъ, что турки, завоевавшіе Византію, были племенемъ хотя и воинственнымъ, но все-же менѣе растлѣннымъ и погрязшимъ въ порокахъ, чѣмъ тогдашніе греки и малоазіатцы, и что пришестіе турокъ было благотѣльно для гниющаго Востока. Это замѣчаніе отчасти примѣнимо и къ древней Руси, зараженной византизмомъ. Татары—орда въ какихъ-нибудь 300,000 душъ—могла завоевать Русь такъ поразительно быстро, втеченіе одной или двухъ лѣтъ, только потому, что Русь уже была завоевана и поработана до этого, народъ обезсиленъ и раздробленъ. Татары ушли и власть ихъ держалась насиліемъ самихъ русскихъ князей, сдѣлавшихся тотчасъ-же какъ-бы

наместниками хана, его воеводами. Втеченіе почти двухсотъ лѣтъ стояла тиранія во имя татаръ, но поддержки-заемая чисто-русскою силою, и московскіе князья только дѣлились съ татарами данью, скорѣе какъ съ союзниками, нежели какъ съ завоевателями. За извѣстную долю грабежа татары обязывались высылать отряды для поддержки московскаго князя или другого, кто давалъ больше. Уже въ татарское время кромѣшная борьба между православными князьями—рюриковичами дотого была полна низостей, что татары стыдили русскихъ. По всѣмъ свидѣтельствамъ, нравы перваго вѣка Золотой орды были гораздо выше, чѣмъ въ современной Руси, и напрасно думаютъ, что татары испортили наши нравы. Порча ихъ—нашъ собственный многовѣковый продуктъ, слѣдствіе самобытно-сложившагося рабства. Замѣчательно, что татары заволжскіе и теперь отличаются большею честностью, трезвостью и болѣе строгими нравами, чѣмъ коренное русское населеніе. Набѣги татаръ были, какъ и набѣги Литвы, развѣ только внѣшними обстоятельствами, благопріятствовавшими образованію рабства,—ударами молота, отковывывавшими русскую тиранію, упадокъ-же честности есть процессъ внутренній, который не могъ быть заимствованъ. У существа физически угнетеннаго неизбѣжно начинаются психозы, и первый изъ нихъ—потеря нравственнаго чувства. Наша русская жизнь, культивировавшаяся до половины этого вѣка, признакъ уже сильно подвинувшагося душевнаго вырожденія нашей расы, и нужны великія культурныя усилія, чтобы остановить этотъ процессъ.

Послѣ сверженія татарскаго сюзеренитета нравы не только не улучшились, но ухудшились. При Иванѣ III невозможны были тѣ злѣрства, которыми ознаменовалось у насъ слѣдующее, XVI столѣтіе, невозможны были ни сплошныя казни, ни разгромъ лучшей въ то время части государства—Новгорода, ни опричина. Все это разрѣшилось смутнымъ временемъ, во время котораго государ-

ство едва-едва не погибло. Только счастливый случай—полная неспособность польскаго правительства—спасла Россію отъ завоеванія, какъ приблизительно въ то-же время былъ завоеванъ Китай манджурами и немного позже—Индія англичанами.

Омерзѣніе, которое вноситъ въ жизнь народную рабство, выразилось въ слѣдующіе вѣка въ видѣ крѣпостного права, самаго тяжелаго изъ униженій, перенесенныхъ русскимъ народомъ. Это униженіе не чувствовалось только вслѣдствіе глубокаго упадка совѣсти и возобладавшей лжи въ обществѣ, до того возобладавшей, что ее стали уже считать за правду. Вспомните, съ какими омерзѣніемъ отзываются иноземные послы о русскихъ нравахъ—не только во времена московскихъ царей, но и при дворѣ уже XVIII столѣтія. «Ни въ комъ не осталось и тѣни добросовѣстности, чести, довѣрія, скромности, справедливости», пишетъ посланникъ Соединенныхъ Штатовъ Стюартъ при дворѣ Елизаветы. «Я не знаю здѣсь, пишетъ англійскій посланникъ въ Петербургѣ, ни одного человѣка, который въ какой-либо другой странѣ могъ пользоваться репутаціей мало-мальски честной личности». Этотъ отзывъ — о дѣдахъ живущаго теперь поколѣнія.

XI.

Допустима-ли въ литературѣ форма разслѣдованія правды, которую я употребилъ въ вопросѣ о Вяземскомъ? Допустимо-ли *дознаніе*, т. е. поѣздка на мѣсто дѣйствія и опросъ живыхъ свидѣтелей лицъ и событій? Я встрѣтилъ упрекъ, что въ литературѣ это не допустимо. Почему? Въ наукѣ, искусствахъ, во всѣхъ сферахъ общественной жизни истина добывается именно путемъ дознанія. Историкъ, этнографъ, статистикъ и т. п. непременно ѣдутъ на мѣсто, которое хотятъ изучить, и непременно опрашиваютъ всѣхъ что-либо знающихъ о данномъ предметѣ. Умираетъ замѣчательный человѣкъ, и

всюду въ просвѣщенномъ свѣтѣ спѣшать собрать всё, даже незначительные рассказы о его личности и жизни, наполняя ими цѣлыя томы, и даже о великихъ, бесспорно-свѣтлыхъ людяхъ собираются далеко не одни хорошіе отзывы. Историческая правда требуетъ, чтобы портретъ замѣчательнаго человѣка и картина его дѣлъ были нарисованы тѣми красками и тѣнями, какія были въ дѣйствительности. Старая, пошлая манера писать оды и дифирамбы, всегда несносно-лживые, къ счастью отжила свой вѣкъ — всюду, кромѣ развѣ Серпуховскаго уѣзда. Что вы сказали-бы, если-бы современный историкъ нарочно скрылъ всё дурныя черты Ивана Грознаго или Петра Великаго? Зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, говорить дурное о покойникахъ, — «*de mortuis nil nisi bene*» и пр. Можно-бы и Ивана Грознаго, и Петра, и Бирона, и Аракчеева и всё мрачныя лица нашей исторіи раскрасить и распахтить совершенно въ томъ родѣ, какъ сдѣлали съ княземъ Вяземскимъ. И это не только можно, но большинство историковъ (старыхъ, лживыхъ временъ) такъ и дѣлали, почему ихъ многочисленныя труды и представляютъ теперь цѣну мусора. До сихъ поръ исторія у насъ преподается по учебникамъ крайне лживымъ, и въ сущности правдивая исторія Россіи еще не только не написана, но *теперь* еще, пожалуй, и невозможна: наше поколѣніе не настолько честно, чтобы вынести присутствіе правды. Но уже и теперь чувствуется, что или ничего не стоитъ писать, или нужно писать *правду*, *nil nisi veritas*.

Возьмите всякаго другого ученаго—что такое представляетъ трудъ его, если не дознаніе? Или художника: развѣ не ѣдетъ онъ за сотни и тысячи верстъ и не списываетъ строго-точно свою «натуру»? Я не говорю уже о разслѣдованіяхъ въ области права, откуда взять мой терминъ. Почему-же литература не можетъ пользоваться этимъ могучимъ орудіемъ раскрытія истины? Или истина не нужна литературѣ?

Посмотрите, съ какими страшными усилиями наука борется съ «иллюзіями», какъ безпощадно искореняетъ ихъ всюду, гдѣ можетъ. Придуманы безконечно тонкіе аппараты и провѣрочные приборы, механическіе, электрическіе, тепловые, химическіе, автоматическіе, фотографическіе и т. п. Ученый *себѣ* вѣритъ столько-же, какъ заклѣтому врагу, и обставляетъ опыты тысячу уликъ, не вѣритъ глазамъ—заставляя мертвый инструментъ отмѣчать явленіе на движущемся цилиндрѣ, на фотографической пластинкѣ, на электрическомъ колокольчикѣ и т. д. Добытый фактъ десятки разъ всесторонне провѣряется, прежде чѣмъ будетъ сообщенъ товарищамъ, которые съ инквизиторскою строгостью снова его провѣряютъ, и эта провѣрка длится годами, прежде чѣмъ фактъ будетъ признанъ установленнымъ. И научную заслугу составляетъ не только открыть истину, но и опровергнуть заблужденіе. Кохъ открылъ туберкулинъ: еслибы подтвердилась его цѣлебность, открытіе было-бы великимъ, но оказалась ошибка; нельзя назвать неважнымъ открытіе этой ошибки. Свѣтовая теорія Ньютона была важнымъ событіемъ въ наукѣ, но нельзя счесть незначительнымъ и опроверженіе истинности этой теоріи. Мало сказать, что наука изобилуетъ примѣрами важныхъ опроверженій: она вся сплошь изъ нихъ состоитъ; цѣна новаго открытія въ огромномъ большинствѣ случаевъ заключается не въ утвержденіи новой истины (которая столь часто оказывается новой ложью), а въ разъясненіи ошибочности старой.

ХІІ.

Дознаніе, разслѣдованіе на мѣстѣ, не только допустимо въ литературѣ, но оно уже давно принято въ ней, и именно этому способу она обязана своими величайшими заслугами. Что такое реальная школа, Гоголь, Тургеневъ, Достоевскій, Гончаровъ, Толстой и др.—какъ не сплош-

ное *дознаніе* русской жизни? Великіе художники не *выдумывали*, какъ серпуховскіе біографы, несуществующихъ интересныхъ типовъ, а списывали ихъ изъ жизни, единственно стремясь къ одному: къ правдѣ изображеній. Вспомните, какъ собиралъ свой матеріалъ Гоголь, какъ онъ въ письмахъ къ матери умолялъ ее записывать и присылать разныя подлинныя свѣдѣнія изъ мѣстной жизни. Тургеневъ заявлялъ, что во всю свою литературную дѣятельность онъ не позволилъ себѣ нарисовать ни одного лица не съ натуры. Только въ этой правдѣ изображенія и весь секретъ могущества реальной школы. Пушкинъ и Лермонтовъ первые были правдивыми реалистами, — до нихъ литература гложда въ преданіяхъ псевдо-классической, сентиментальной, романтической лжи. Въ самой жизни дѣйствовали жестокіе и низкіе характеры, свирѣпствовало крѣпшное насилие надъ человекомъ, народъ изнывалъ въ страданіяхъ, а милые романтики, вродѣ серпуховскихъ біографовъ, описывали счастье селянина, наслаждающагося золотыми днями жизни подъ попеченіемъ благодѣтельнаго помѣщика. Не было лицъ порочныхъ, все были герои, все благородные, великодушные, вродѣ князя Вяземскаго *до* дознанія. Ложь эта была чудовищная, явная, но она имѣла силу даже надъ крупными талантами начала вѣка: не говоря о Жуковскомъ, даже Пушкинъ, и даже Гоголь не могли отъ нея вполне отдѣлаться. Но Гоголь уже произвелъ формальное дознаніе и подтвердилъ догадку Фонвизина, еще неясную, что русскій человекъ того времени не Милонъ, не Правдинъ, не Стародумъ, а по преимуществу Тарасъ Скотининъ. Не лишено значенія, что величайшая русская комедія зовется «Ревизоръ» и посвящена страху русскаго общества передъ дознаніемъ. Во времена Гоголя еще сидѣе, чѣмъ теперь царствовала неправда, русское общество гнило во лжи, причеъ лгали всѣ, отъ высшаго до нисшаго, лгали простодушно, смѣло, торжественно, официально, лгали въ канцеляріяхъ, судахъ, департаментахъ и даже высшихъ

учрежденійхъ (какъ жалуется на это извѣстный циркуляръ великаго князя Константина Николаевича послѣ крымской войны). Россія, по словамъ поэта, была

..... черна неправдой черной
И нгомъ рабства клеймена,
И пошлой лести, лжи тлетворной
И всякой мерзости полна...

Крѣпостная Россія погрязала въ грубѣйшемъ рабствѣ, въ самомъ мрачномъ невѣжествѣ, во всеобщемъ угнетеніи,—но официально все обстояло неизмѣнно благополучно: «Громъ побѣды раздавался, веселился храбрый Россъ», гласилъ тогдашній гимнъ. Крѣпостное право возводилось въ идиллію, въ благодѣяніе, которое оказываетъ просвѣщенное благородное сословіе темному народу. Гоголь первый разоблачилъ эту страшную неправду, выставивъ «благодѣтельныхъ помѣщиковъ» въ ихъ подлинномъ, неприглядномъ видѣ въ лицѣ Чичиковыхъ, Ноздревыхъ, Собакевичей, Коробочекъ. Но и Гоголь не договорилъ всей правды: народа онъ не зналъ и не понималъ его страданій. Договорило правду слѣдующее дознаніе — Григоровича, Тургенева и школы народниковъ. Вспомните впечатлѣніе, произведенное «Антономъ Горемыкой» и «Записками охотника». Это было хватающее за сердце, страшное и важное дознаніе. Для русскихъ читателей былъ открытъ точно новый міръ: вслѣдъ за благодѣтельными помѣщиками испарились и счастливые поселяне и на ихъ мѣстѣ предстала горькая до жестокости правда...

Было-бы утомительно перечислять всѣ случаи великихъ и малыхъ дознаній, общихъ ревизій и частныхъ, произведенныхъ русской литературой. Вспомните, какое значеніе имѣли «Севастопольскіе рассказы» гр. Л. Н. Толстого, «Очерки бурсы», «Записки изъ Мертваго Дома», «Губернскіе очерки» и сатиры Щедрина, сочиненія Островскаго, Н. С. Лѣскова и др. И эта великая

традиція нашей литературы дознаваться правды *на мѣстѣ* поддерживается съ честью и позднѣйшими писателями. Вся дѣятельность Глѣба Успенскаго и его школы, вся заслуга рано скончавшихся Атавы, Левитова, Рѣшетникова («Подлиповцы»), а также Златовратскаго и пр. есть все тоже разслѣдованіе русской жизни,—не сочинительство, а дознаніе. На ту-же дорогу выступилъ было покойный Гаршинъ («Четыре дня») и современные талантливые беллетристы. Что самое крупное въ нашей литературѣ вотъ этихъ дней, когда я пишу эти строки? «Голодный годъ» г. В. Короленко и «Островъ Сахалинъ» А. П. Чехова. Вчитайтесь въ эти замѣчательныя и важныя книги — что они такое, какъ не «дознанія»? До какой степени намъ еще нужна правда, какъ необходимы точныя и строгія разслѣдованія на мѣстѣ, съ опросомъ живыхъ людей—доказываютъ эти книги. Подошелъ великій голодъ,—неожиданный, хотя и подготовлявшійся цѣлыя десятилѣтія разстройствомъ деревенскаго хозяйства и земельнымъ хищничествомъ. Вы думаете, мы честно отнеслись къ этой катастрофѣ? Нѣтъ, мы постарались солгать, прикрыть правду съ рискомъ народной гибели. Нѣкоторые администраторы и охранительныя газеты кричали, что какой-же это голодъ, — всего лишь «недородъ» и въ сущности все благополучно, только неблагонамѣренныя люди производятъ смуту. И много было упущено дорогого времени, пока правдивые люди не отпавились, какъ Л. Н. Толстой, лично въ мѣста голода дознаться: что это такое? Дознались и пришлось «спасать погибающихъ» на пространствѣ двадцати губерній. И даже тогда, когда голодъ былъ признанъ официально, все еще находились просвѣщенные помѣщики, такъ-таки все время упорно отрицавшіе голодъ, доносившіе, въ качествѣ земскихъ начальниковъ, что особая помощь не нужна, отпускавшіе казенный хлѣбъ чуть не по крохамъ (вспомните лукояновскую исторію. Она была поднята въ печати «Недѣлю», и именно мною). Прочтите

книгу Короленки и увѣрьтесь, какъ еще нужны намъ честныя дознанія!

XIII.

Но еще, пожалуй, рѣзче это доказываетъ книга А. П. Чехова. Пять лѣтъ тому назадъ разнеслась вѣсть о томъ, что онъ ѣдетъ на Сахалинъ. Всѣ были удивлены. Куда, зачѣмъ? Молодой беллетристъ, любимый публикой, талантъ котораго созданъ «для вдохновеній, для звуковъ сладкихъ и молитвъ»—и вдругъ отправляется на каторгу! Это было странно, тѣмъ болѣе, что именно тогда, въ 1890 году, ходили самые розовые слухи о русскихъ тюрьмахъ. Кеннанъ былъ «посрамленъ», какіе-то англичане ѣздили въ Сибирь и вернулись въ восторгѣ отъ нашихъ тюремъ, въ Петербургѣ были открыты международный тюремный конгрессъ и всемірная тюремная выставка, причемъ иностранные делегаты не жалѣли комплиментовъ по адресу Россіи. Послушать ихъ—мы далеко ушли впередъ въ тюремномъ дѣлѣ, и вся Европа должна брать съ насъ примѣръ. И въ самомъ дѣлѣ, — Сахалиномъ, на примѣръ, завѣдуетъ генералъ В. О. Коновоничъ, человѣкъ, по отзыву г. Чехова, образованный, начитанный, опытный. «Онъ красиво говоритъ и красиво пишетъ и производитъ впечатлѣніе человѣка искренняго, проникнутаго гуманными стремленіями... Меня пріятно поражала одна черта его характера, а именно, постоянно высказываемое имъ отвращеніе къ тѣлеснымъ наказаніямъ. Ж. Кеннанъ отзывался о немъ восторженно». Тогдашній генералъ-губернаторъ баронъ А. Н. Корфъ славился рыцарской честностью. Чеховъ описываетъ, какъ принимали генералъ-губернатора, какъ благообразный старикъ, бывший каторжный, разбогатѣвшій на Сахалинѣ, поднесъ ему хлѣбъ съ солью на серебряномъ блюдѣ мѣстнаго издѣлія, какъ устроили ему иллюминацію, обѣдъ съ музыкой, тостами, рѣчами... Въ отвѣтъ на тостъ за его здоровье, благодушный начальникъ выразился: «Я убѣдился, что на Сахалинѣ «несчастливымъ» живется легче, чѣмъ гдѣ-

либо въ Россіи и даже въ Европѣ. Въ этомъ отношеніи намъ предстоитъ сдѣлать еще многое, такъ какъ путь добра безконеченъ». Онъ пять лѣтъ назадъ былъ на Сахалинѣ и теперь находилъ прогрессъ превосходящимъ всякія ожиданія. Настоящее представлялось началомъ золотого вѣка. Баронъ Корфъ самъ продиктовалъ А. П. Чехову свой взглядъ на каторгу, причемъ г. Чеховъ убѣдился, что это великодушный и благородный человекъ, но что «жизнь несчастныхъ была знакома ему не такъ близко, какъ онъ думалъ». «Каторжные работы, говорилъ генералъ, не тягостны. Трудъ подневольный не даетъ работнику личной пользы—въ этомъ его тягость, а не въ напряженіи физическомъ. Цѣпей нѣтъ, часовыхъ нѣтъ, бритыхъ головъ нѣтъ»...—Словомъ—идилія. «Мы тутъ каторжные, а не они», говорятъ чиновники. Но послушайте теперь, что происходило въ центрѣ Сахалина въ тотъ самый годъ, когда произносились эти благодушныя рѣчи, когда въ Петербургѣ на конгрессѣ славили Россію за ея гуманныя ссыльные порядки. Привожу одну страничку изъ онорскаго дѣла, взятую изъ газеты *Владивостокъ* (№ 36 1894 г. «Страницы изъ онорскаго дѣла, рассказъ очевидца»). Рѣчь идетъ о томъ, какъ надзиратель Хановъ съ тремя помощниками укрощалъ партію каторжниковъ въ 200—300 человекъ, прибывшихъ съ Камы и вооруженныхъ топорами, лопатами, кайлами (Рассказъ длиннѣ; я его сокращаю).

«Съ этихъ поръ нашъ старикъ еще тише сдѣлался, никого ни дѣломъ, ни словомъ не обидѣлъ. Только началъ онъ другую линію вести. Поприсмогнулся къ народу, позамѣтилъ, которые посамостоятельныѣе и помаленьку началъ ихъ разсѣивать на разные ваканціи. Кого на кухню, кого хлѣбопекомъ, кого подрядчикомъ и такъ вышло, что на работахъ осталась одна швана. Какъ извѣстно, она вездѣ дурная, глупая, что угодно съ ней можно сдѣлать. Но все-таки работа шла пока ничего. Приѣдетъ окружный начальникъ, спрашиваетъ Ханова: «ну какъ работаютъ новички?» Хорошо, говоритъ.

Начали удерживать по $\frac{1}{4}$ ф. (хлѣба) и такимъ манеромъ за мѣсяцъ насбиралось 70 рублей. За это къ концу мѣсяца привезли намъ табакъ и досталось каждому фунта по два.

Только замѣчаемъ, что хлѣба у насъ не только не стало оставаться, а уже и не хватаетъ. Работу кончаемъ не къ обѣду, а уже еле къ вечеру. Придешь съ работы, поужинаешь и скорѣе завалишься спать, некогда ужъ тутъ разговоры разговаривать. Начали появляться изъ насъ ослабѣвшіе. Видимъ, надзиратели то одного толконуть, то другого заѣдутъ по физиономіи. Молчимъ, потому, во-первыхъ, что каждому стало только до себя, хочется скорѣе отдохнуть, а во-вторыхъ, еще и потому, что когорые побойчѣе, такъ всѣ на ваканціяхъ уже отвыкли отъ артели, да и кому какая охота мѣнять свое положеніе на работу нао дня въ день, въ грязь, въ холодъ и голодъ. тамъ-же онъ сытъ, и хлѣба вдоволь поѣсть, и мяса сколько угодно. Какъ-то человекъ 25 плотниковъ не хотѣли идти на работу; урокъ былъ не подъ силу. Выходитъ Хановъ. Это что такое? Не хотите на работу идти, бунтовать?! Выхватываетъ револьверъ: разъ, разъ, дѣлаетъ два выстрѣла. «Всѣхъ до одного перестрѣляю и отвѣчать не буду!»

Руки трясутся, самъ весь дрожитъ.

— Вы думаете, что вы харинцы, такъ знайте, что я Разгильдѣевскій каринецъ*, сумѣю управиться съ вами, какъ собакъ всѣхъ переколочу и въ оврагъ позакидаю. Маршъ на работу!» И мы пошли.

Дальше — больше. Народъ упалъ духомъ, задавили работою, не даютъ оправиться, а все больше и больше налегаютъ. Чуть кто не выполнитъ урока, — штрафъ, — уменьшаютъ порцію хлѣба, ну человекъ и совсѣмъ упадетъ.

Утромъ на раскомандировкѣ:

— Олимпій Ивановичъ! обращаются къ Ханову.

— Ты что, слабый? Становись къ сторонкѣ, говоритъ этакъ тихонько.

Разойдутся всѣ на работу, останутся слабые.

— Ну, такъ вы слабые? обращается онъ къ нимъ.

— Да, отдохнуть бы маненько.

— У меня есть вотъ про васъ лекарство. Схватываетъ приготовленный сѣмъ и начинаетъ лупить имъ по чѣмъ попало. Которые въ состояніи бѣжать, тѣ, конечно, разбѣгутся, а другой еле волочить ноги: ну, ошарашитъ его дубиной, тотъ упадетъ; бьютъ, бьютъ его, а затѣмъ отправляютъ въ лазаретъ. Современемъ отошли мы работать отъ балагановъ верстъ на пять. Обѣдать всетаки приходилось ходить туда и ходить очень скоро; потому, Боже сохрани отстать, сзади идутъ надзиратели съ дубинками и всякаго отставшаго бьютъ немилосердно, почти до смерти. Были случаи, что заползаетъ побитый куда-нибудь

* Разгильдѣевъ, заведующій тюрьмами на Карѣ въ началѣ 60-хъ годовъ, извѣстный въ каторгѣ за свою необыкновенную свирѣпость.

въ кусты и тамъ кончится. Прибѣжавши на обѣдъ, некогда даромъ время проводить, получаешь въ котелокъ базанды, ставишь его въ воду, чтобъ скорѣе остыла, похлебавъ на скорую руку и живѣе бѣжишь на работу, чтобъ не остаться заднимъ, — убьютъ, просто боязно, — живѣе забьютъ до смерти. Работу кончали уже темно. Шли съ работы опять такимъ-же манеромъ. Изобьютъ другого и бросятъ: «доползетъ злочетъ, а не злочетъ — пусть адыхаетъ, чертъ съ нимъ». Иной только къ сѣту припадетъ къ балагану, кричитъ, какъ сумасшедшій «давайте мнѣ пайку хлѣба!» Потому онъ кромѣ этого ужъ ничего не помнитъ.

И вотъ когда подѣлался почти весь народъ такимъ, тогда-то Хажовъ, Мурашевъ и другіе и ходили совершенно безъ всякой опаски среди нашего брата, и днемъ, и ночью, и по тайгѣ за бѣжавшими, и гдѣ угодно. Потому что это ужъ не люди, а полудохлыя животныя. Чего такого бояться, хотя даже у него и топоръ въ рукахъ, онъ ужъ себя не помнитъ. Скажутъ ему: работай, — ударить топоромъ и самъ падаетъ черезъ колодникъ, махнетъ кайлой и самъ летитъ за ней. Очевидное дѣло, такихъ можно тысячу перебить дубинкой одному человѣку, а не то что...

Наѣзжалъ и окружный. (Замѣйте! Наѣзжалъ ревизоръ и могъ-бы если-бы захотѣлъ, остановить эти ужасы). Посидитъ, посидитъ съ Хажовымъ въ балаганѣ, поговорить о чемъ-то и ѣдетъ назадъ. Такъ вотъ и шло до самаго конца. Много вошло бродяжить, только что это за бродяги! Съ одной пайкой хлѣба, больше на руки не давали за разъ. Поидетъ этакимъ манеромъ, конечно и до ближняго селенія не дойдетъ, запутается гдѣ нибудь въ калезинкѣ, упадетъ и сгниваетъ. Не повѣрите-ли, такая вонь поднялась въ тайгѣ, не приведи Господь и слышать. Жара, сирада, бьютъ всѣхъ чѣмъ ни попадя, всѣ мы потеряли головы, шаркаемся отъ стоговъ, какъ ослы, уюка не можемъ выработать, — силъ нѣтъ, хотъ ложись и помирай. Спасибо надзирателямъ, походить около тебя со стижками, ну скорѣе и конепъ... Да-съ, вотъ какъ старичекъ распорядился съ нами. Только покрикиваетъ: «всѣхъ перебую, какъ собакъ, и отвѣта никакого не дамъ!» Много тамъ били и убивали, даже я не запомнишь всего. Идетъ, напрымѣръ, обесумѣвшій отъ побоевъ татаринъ у всѣхъ на виду въ тайгу.

— Ты куда? спрашиваетъ его надзиратель.

— Агаа, отвѣчаетъ тотъ.

Нагоняетъ его надзиратель. Разъ! въ него изъ револьвера. Идетъ. Въ другой разъ, какъ въ тѣсто. Идетъ. Въ третій разъ. Падаетъ. Помню однажды, кто-то изъ надзирателей привелъ изъ тайги одного бѣжавшаго, который былъ тутъ-же по баззу. У него оказалось два хилата, укралъ значить.

— Вѣдь ты руками бралъ этотъ хилатъ?

— Да, руками.

— Ну, такъ... Эй, наручни!

Принесли наручни; Хановъ взялъ ихъ, положилъ въ костеръ, что постоянно горѣлъ у его балагана, разжегъ въ красные заклепалъ ему на руки. Ажъ зашипѣли и кожа, и кости!

— Ну, теперь бѣги, въ другой разъ не будешь воровать.

Фамилія закованного Кожемяковъ, онъ действительно туго-же побѣждалъ въ тайгу и погибъ тамъ съ расклеванными на тулкахъ наручниками.

Рассказчикъ замолкъ. Онъ опустилъ голову и, по временамъ ухмыляясь, покачивалъ ею. Видно было, что въ его воображеніи разомъ проносились ужасныя картины прошлаго. «Чисто крымская кампанія—Малаховъ курганъ! вставилъ онъ и слова замолкъ. А еще говорить, что это неправда,—снова началъ онъ,—чтобы четыре человека могли такъ тиранить цѣлую партію народа. Пораспросите у каждаго, бывшаго тамъ, всё то-же самое скажутъ, да хорошенько припомнить и больше расскажутъ, потому что вѣдь до насъ еще тамъ годъ работали. Да чего тамъ? Вотъ у всѣхъ на виду, адѣсь въ тюрьмѣ, при смотрителѣ Ливинѣ, не то-же ли самое было?»

Въ зимнее время въ раскомандировкѣ человекъ 500—600 выстроены шеренгами съ топорами, съ лопатами, съ кайлами на плечахъ. Темно. Отъ 40° мороза ажъ дымитъ. Руки, ноги коченѣютъ отъ холода, и всѣ стоятъ, не шелохнутся, только смотритель съ фохаремъ ходитъ по рядамъ, какъ сатана въ аду между грѣшниками, да отсчитывается каждому, тыкая рукою въ грудь. Иной въ Россіи, можетъ, человекъ двадцать убилъ, а адѣсь онъ стоитъ съ топоромъ на плечѣ и дрожитъ отъ страха передъ этимъ палогавскимъ человѣчкомъ. «Староста, работъ!» кричитъ онъ—и начинается порка. Крикъ на все селеніе. Русскіе кричатъ: «Отецъ родной, ваше благородіе!» Татары: «Алла!» Такой крикъ поднимется, что кажется и сонные въ это время чужеземцы должны повскакивать съ постелей. «Р-рѣкс, к-рѣчте!» подбадриваетъ смотритель палачей. Иной разъ, если никого изъ чернорабочихъ не онъ что наказывать, что бывало очень и очень рѣдко, такъ онъ войдетъ во всему двору издохать. Зайдетъ въ мастерскія, въ хлѣбопечарню, на кухню и ужъ гдѣ-нибудь случается выпоротъ, ужъ безъ этого онъ ни одинъ день не проведетъ и чаю, говорить, не можетъ запыться. Если и адѣсь не къ кому придаться, такъ астрѣмлетъ кого-нибудь:

— Почему у тебя шуба не зачинена?

— Да, житохъ, ваше-скародіе; жѣтъ.

— Жилами зачини, гадъ, кожей своею!

— Староста, работъ!—и порка есть. А его тридцать штукъ работъ принять—легче теперь триста. Иного слабого комплексіей такъ и съ 15-ти на рукахъ отнесутъ. А который здоровый, да шибко кри-

читать, такъ его за руки и за ноги поднимуть на воздухъ, да и дерутъ пока не замолчитъ. Такъ, вотъ видите-ли. Человѣкъ изъ себя совсѣмъ не видный былъ, а передъ нимъ полтысячи народа съ топорами дрожали и всѣхъ доводило работою до истощенія силъ. На словахъ онъ очень заботился о насъ, на дѣлѣ же онъ выжималъ послѣднiе соки. Все, что съѣшь за обѣдомъ, къ вечеру все до капельки работа вытянетъ изъ тебя. Еле-еле на ногахъ держишься. Ошибся разъ, не исполнилъ урока, пиши прощало! Во-первыхъ, получай тридцать, и затѣмъ на два фунта на нѣсколько дней. Тутъ опять не исполнилъ, снова и снова роги и два фунта—и такъ до больницы.

На отдыхъ въ околодокъ никто не хотѣлъ идти, потому-что тамъ два фунта хлѣба, полчерпака баланды и домашняя работа съ утра до ночи: гадькой дворъ усыпать, дрова перетаскивать и др.

— Околодокъ раньше былъ убѣжищемъ для насъ, а я сдѣлаю его страшилищемъ, говоритъ Дивинъ.

— Вамъ одинъ выходъ,—унилася ораторствуетъ онъ на раскомандировкѣ,—вамъ одинъ выходъ: за кириничное (т. е. на кладбище за заводомъ).

И дѣйствительно, въ бытность его кладбище населилось изрядно. А пойдя жаловаться къ начальнику округа, ну тогда окончательно конецъ. У него одна префюрія для исѣхъ—сто. Перво-на-перво, ты пожаловался не по закону помимо ближайшаго начальства, сморчался, а потомъ на что жалуешься? Что насъ бьютъ? Да какъ насъ не бить, когда вы не выполняете урока по положенію? А «положеніе-то» у нихъ извѣстно какое. Вотъ генераль Тродековъ бить, жаловались ему семейные каторжные, что имъ приходится работать на горьму и самнѣмъ и скотинною почти круглый годъ, выставляя «по положенію» 20 сажень дровъ въ мѣсяцъ за семь перетъ. Ну, генераль и видитъ какое это «положеніе», взялъ и сбавилъ съ 20 на 8, потому-что немѣстимое дѣло выставить такого урока даже со скотиною, а не то, что однимъ человѣкомъ. А вѣдь тоже сколько перенесли за это «положеніе»! Про рабочихъ, исполняющихъ общія работы: бревноватски, плотники, шильщики, объ этихъ нечего и говорить. Эти-те самые и населяли кладбище. Какъ-бы думали? Вѣдь работа изо дня въ день не мѣсяцъ и не два, а года, года, батенька ты мой, изо дня въ день въ морозы, въ бураны на трехъ фунтахъ въ перемежку съ 2-мя фунтовыми пайками. Кто-же тутъ можетъ выстоять? Выносили человѣкъ, вѣхъ какъ выносили! Иной разъ смотришь: и въ чемъ только душа держится, и съ чего тянется человѣкъ? А тянется, и все тянется, пока глядишь поднимутъ гдѣ-нибудь и приколочутъ въ больницу или-же придетъ благая мысль отрубить руку или ногу.

— Ты, гадина, лучше-бы голову себѣ отрубилъ, тогда по крайней мѣрѣ тебѣ не пришлось-бы давать трехъ фунтовъ», говоритъ ему Дивинъ.

Разъ на раскомандировкѣ докладываютъ ему, что одинъ въ кандалной лежить на нарахъ и не идетъ на раскомандировку, не можетъ встать.

— Тащите, волоките его!

Побѣжали. Смотримъ—волокутъ, зацѣпили веревкой за кандалы и тянутъ какъ бревно, по ступенькамъ головой бьется, галка отъ головы отскакиваетъ. Приволокли, положили на кобылу.

— Р-рѣже, крѣпче! Пойдешь на работу?

Молчитъ. «Отволоките его обратно». Поташили, оттуда въ околодокъ. Къ вечеру, слышимъ, кончился.

Да чего тамъ рассказывать, вѣдь все дѣлалось на виду, знали и знаютъ всѣ и вы въ томъ числѣ, такъ чего же тутъ... вдругъ оборвалъ мой собесѣдникъ, вѣнулъ и видно было, что у него не было ни малѣйшаго желанія начинать сказку про бѣлаго бычка.

Такъ вотъ что творилось на благословенномъ островѣ, гдѣ, по мнѣнію багородныхъ и гуманныхъ начальниковъ, каторжнымъ было «нетягостно—лучше, чѣмъ въ Россіи и Европѣ». Вы видите, какъ *теперь* еще, въ наше время, Россіи нужна правда и какъ важно бываетъ до нея дознаться. Одинъ изъ «биографовъ» кн. Вяземскаго всю свою защиту строитъ на томъ, что онъ, биографъ, будучи прокуроромъ, не *слыхалъ* объ уголовныхъ дѣяніяхъ князя. Но вотъ и генералъ Кононовичъ, начальникъ Сахалина, и генералъ-губернаторъ баронъ Корфъ тоже ничего не слыхали объ онорскихъ звѣрствахъ, пока они не всплыли наружу черезъ печать. Надзиратели Хановъ, Ливинъ и др. при всей лютости, дослужились до почтенныхъ сѣдинъ и вѣроятно, были извѣстны начальству какъ хорошие надзиратели. Въ канцеляріи у начальства Хановъ, какъ и князь Вяземскій въ гостинныхъ своихъ друзей, велъ себя не такъ, какъ съ каторжанками и крѣпостными. И не изидись честнаго чловѣка, написавшаго въ газеты объ онорскомъ дѣлѣ, Хановъ считался-бы ревностнымъ чиновникомъ, и по его смерти «друзья», будь-можетъ, говорили-бы о немъ, какъ о прекрасномъ, примѣрномъ старикѣ, какъ о поповникѣ среди каторжныхъ...

М. Меншиковъ.